

Хоть в ночи тьме,
хоть в свете дня
жасмин всегда
остается белым.

Й. Сеферис

Но единственный язык, который мог
бы открыть секрет Пятницы, это язык,
которого он лишился!

*Дж. М. Кутзее. Мистер Фо,
или Любовь и смерть Робинзона Крузо*

I

ВРАТА РАЯ

*Когда нашли меня средь пепла уничтоженного города,
меня нарекли Шахерезадой,
и вот прошел уж век
с моего рождения,
но не наступил еще конец жизни моей,
в которой обречена я на вековое молчание.
И хоть не может мой язык вымолвить ни слова,
я расскажу,
поведаю обо всем.
Да заберет меня смерть
в этой башне полуразрушенного особняка.*

ПЕРВЫЙ СЕНТЯБРЬ

Рождение мое пришлось на прекрасный, окрашенный мягким оранжевым светом вечер, тот самый, когда шпион Авинаш Пиллаи прибыл в Измир¹.

Шел тысяча девятьсот пятый год по календарю европейцев.

Месяц сентябрь.

Когда пассажирский корабль «Афродита», на котором и плыл шпион родом из Индии, подходил к порту Измира, я еще не родилась, однако в матку, в этот темный мешочек, где я провела столько месяцев, уже стал пробиваться свет. Мама моя была не в силах даже встать, чтобы сделать пару шагов. Но не из-за моей тяжести, а из-за трубки с опиумом, зажатой между средним и безымянным пальцами. Отвернувшись к окнам, она смотрела, как разлетаются на ветру занавески.

В прошлом году — или уже прошло два? — она летала по залу на балу в честь середины лета в клубе в Борнове, кружилась в вихре вальса с одним из служащих компании, в чьем ведении находится железная дорога от Измира до Айдына. Как же того англичанина звали? Она помнила его выступающие скулы, помнила, что жил он

¹ Сразу следует пояснить, что Измир и Смирна (второе название будет встречаться дальше) — это один и тот же город. Смирна — греческое название города, который турки называли Измиром, на свой лад. После того как Турция в 1928 году перешла на латиницу, название Измир полностью вытеснило название Смирна. — *Примеч. ред.*

где-то к северу от пристани и то, с каким мастерством, но бездушием он вел ее в танце, а вот имя вспомнить никак не могла. Мистер?.. Мистер Как-Его-Там. И как? Странное было имя. Непривычное.

Приподняв голову, она снова затянулась из заждавшейся ее трубки. Вокруг черных глаз залегали темные круги, а Мистер Как-Его-Там, кружась, уносился в ее видениях все дальше.

Нарядная «Афродита» была уже совсем недалеко от порта, и стоявший на палубе для пассажиров второго класса Авинаш Пиллаи еще и знать не знал ни о моей матери, ни обо мне. Закрыв глаза и запрокинув голову к расцветенному в разные оттенки небу, он, точно дикий зверь, принимался, с силой втягивая в себя воздух. Кажалось, целый день земля задерживала дыхание и теперь, на закате, наконец выдохнула; запах угля и холодного металла, который успел опостылеть молодому индийцу за время многодневного путешествия, сменился чудным ароматом трав и цветов. Роза, лимон, магнолия, жасмин... и откуда-то издали — легкие нотки благовоний.

Авинаш впитывал, может, и не слышные для других ароматы с тем же наслаждением, с каким вкушают первый кусочек пиццы при разговении; его тонкий длинный нос, придававший смуглому лицу благородство, свойственное лицам османских султанов, чутко различал нюансы каждого запаха. Благоухание роз он чувствовал особенно хорошо — даже с закрытыми глазами мог отличить белые розы от красных.

Молодого человека не прельщал ни сам город с его богатствами и возможностями, ни обитающие здесь красавицы, о которых слагали легенды. Где-то в этом городе, что лежал перед ним в мерцании красно-розовых лучей, жил старик-аптекарь Якуми. И все мысли Авинаша Пил-

лаи занимала та полутемная комната, про которую старик писал ему в своих письмах. Мастерская позади аптеки, где получают масло из лепестков роз, а розы эти самых редких сортов, растущих в разных уголках империи.

— И чего же наш капитан ждет?

— Там грузовое судно отходит — должно быть, его пропускает.

Наверху, на подсвеченной электрическими лампами палубе для пассажиров первого класса, докуривая дорогие папиросы, выражали свое нетерпение господа во фраках и котелках. Уж не снобизм ли это? Можно подумать, лишние минуты ожидания после долгого путешествия, начавшегося в Александрии, позволившего им полюбоваться островами Родос, Лерос и Хиос и, наконец, завершающегося в Измире, имеют хоть какое-то значение!

— Вынужден возразить: грузовое судно еще и не собирается отправляться. Посмотрите, к нему подогнали баржу, должно быть, с углем. Его еще не загрузили.

— Я не об этом судне говорю, а вон о том, с тюками табака. Оно уже двадцать минут там стоит.

— Господа, наш корабль в гавань входить не будет. Там недостаточно глубоко, и не знающие об этом капитаны постоянно садятся на мель. Ничего не поделаешь, придется ждать шлюпки.

Доносящиеся с берега звуки — трамвайные гудки, стук колес по мостовой и цокот подков — напоминали о тех прелестях жизни, что были слегка позабыты, пока «Афродита» находилась в море. Некоторые из мужчин готовы были поклясться, что даже слышали женский смех, долетавший из заведений на набережной. Вокруг скользили лоцманские суда, точками мелькали тут и там парусники, разгоняли волну грузовые и пассажирские корабли, и самые нетерпеливые из пассажиров то и дело вынимали из кармана часы на цепочке.

— Ах, уважаемые, мы уже почти на берегу, а сойти не можем, до чего же это невыносимо! Ну и где эти шлюпки?

Авинаш прошел на заднюю палубу и, убедившись, что никто на него не смотрит, соединил ладони перед собой. Конечно, теперь он работал на Британскую империю, а значит, ему следовало выглядеть настоящим европейцем, но он все еще оставался внуком своего деда, просветленного старца, который надеялся достичь Высшей милости в монастыре у подножия Гималаев. Во все утомительные дни и полные бурь ночи, пока Авинаш добирался сначала из Коломбо до Порт-Саида, оттуда — в темном вагоне поезда до Александрии, а затем — на «Афродите» в Измир, Шива оберегал его, и сейчас он должен воздать ему благодарность.

Он повернул лицо к солнцу, которое опускалось в море, тая, точно алый шарик мороженого, и закрыл глаза.

— *Ом Намах Шивая.* Всемогущий Шива, благодарю тебя за то, что хранил меня от бед, несчастий, печалей и болезней, что милостью твоей добрался я живым и здоровым до берегов этого прекрасного города.

Он молился с детства. И не только Шиве, которому поклонялись в его семье, но и охраняющему все живое Вишне, и, конечно, творцу Вселенной Бrame. Он верил, что боги, даже разрушитель и уничтожитель Шива, — его хорошие друзья и, более того, они любят его. Перед ними он предстával таким, какой он есть. Если он в чем-то, сам того не ведая, провинился, просил у них прощения и всегда сердцем чувствовал, что боги и божества каждый раз миловали его, одаряли своей защитой.

— О великий Шива, божественная сила, сущее в небытии! Помогите мне, дабы на этом новом этапе моей жизни дела мои шли хорошо. Даруй мне сил, умения и разума, будь рядом со мной, дабы я успешно выполнил свой долг.

Сохрани моих родителей, сестер и братьев от всяких бед, несчастий, болезней и горестей. И дай мне терпеливо снести любые тяготы...

Неожиданно подул сильный ветер. Ветер этот славен тем, что, поднявшись перед самыми сумерками, он в одно мгновение освежает даже самый жаркий день. Иногда, словно добрый великан, не ведающий собственной силы, он сотрясает все вокруг, сам того не желая, переворачивает рыбацкие лодки, и вслед ему несутся ругательства, смешанные с проклятиями. Но в тот вечер ветерок был мил и приятен. Погладив железные бока корабля с местами облупившейся зеленой краской, он игриво сорвал с головы молодого человека котелок и понес к шезлонгам, стоявшим у лестниц. Но Авинаш Пиллаи не сразу бросился в погоню. От деда своего он хорошо усвоил, что даже в момент беспокойства — особенно в момент беспокойства! — нужно завершить молитву как подобает. В спешке вернуться к мирским делам, не попросившись с богами, — это значит навлечь на себя несчастья.

Он торопливо коснулся ладонями лба между бровями, губ и, наконец, груди.

— О Создатель, ты велик, ты могуществен, ты творец чудес. Мы вверены милости твоей. *Ом Намах Шивая.*

Проговорив это, он кинулся к шезлонгу, под который улетел его котелок.

Признаться, молодой человек чувствовал вину за то, что, по сути, оборвал молитву, да еще и во время просьб. Но проказник ветер, словно желая напомнить, что жизнь наша слишком коротка и невообразимо прекрасна, чтобы растрачивать ее на такие тяжелые чувства, как вина, подхватил шляпу и унес еще дальше, а затем забрался в локоны молодого человека. Ах, что это были за локоны цвета воронова крыла! Густотой и крепостью своей они могли бы сравниться с волосами армянских девушек, ко-

торые с песнями развешивают белье. Ты, ветер, даже лодки переворачиваешь, а такие волосы растрепать не сможешь, нет! Со свистом охальник спустился по шее и пробрался под шелковую рубашку. Кожа у Авинаша была смуглой и бархатной, как у невольников с Востока, но по внешнему виду молодой человек ничем не уступал тем европейцам, с чьих голов ветер срывал шляпы во время прогулок по Кордону. Вы только посмотрите, посмотрите! Парня вполне можно было бы принять за махараджу, а путешествовал он вторым классом. Однако шагал он в своих остроносых ботинках куда крепче и увереннее, чем господина с верхней палубы. В правом ухе у него сверкала изумрудная серьга, как это было распространено у флотских, а из кармашка выглядывал платок того же зеленого шелка, что и галстук.

Отдаваясь гулом в ушах Авинаша, ветер еще раз облетел вокруг него, а затем понес его запах — а пахло от него специями — на другую сторону залива, к особняку, где на самом верху, в башне с окнами на все стороны, я проводила последние часы в утробе матери. Приоткрыв глаза, мама с сомнением взглянула на танцующие на ветру занавески. *Здесь кто-то есть?* Но конечно же нет, тесный мирок за стеклами на самом верху особняка был в тот вечер очень далеко от «Афродиты» и от молодого индийца.

Бог как будто подмигивает нам, наполняя нашу жизнь всякого рода совпадениями: многие годы спустя историю моего рождения расскажет мне не кто иной, как шпион-индиец Авинаш Пиллаи. И вот еще одно совпадение: в тот вечер, когда благодаря одной фотографии он разгадает тайну моей жизни, он точно так же будет стоять на палубе корабля и смотреть на город, как и в тот вечер, когда я родилась.

И снова это будет сентябрь.

Но сентябрь другой, совсем другой.

В том сентябре, когда я родилась, город сверкал своими куполами и минаретами, его маленькие домики с черепичными крышами сияли золотым светом, а в сентябрьскую ночь семнадцать лет спустя город будет реветь как зверь, пожираемый огнем пожара. И ветер, этот ветер-шутник, что назло молодому шпиону сорвал с него шляпу, в тот вечер принесет на палубу тяжелый смрад. Воздух пропитается запахом керосина и гари: вековые чинары, сбрасывающие свои сочные плоды, рушащиеся церкви, плавящаяся резина, разбитые пианино, украшенные позолотой книги — все будет в огне.

Прочь от пламени — и бесконечного сведения счетов между обитателями города — Авинаша и мою мать, лежащую без сил на его руках, увезет линкор «Айрон Дьюк», и из всех тяжелых нот зловония, доносящихся до палуб, самым ужасным будет смрад горелой плоти. Пассажиры закроют рты платками, а кого-то этот тошнотворный запах заставит перегнуться через ограждения. Запах горелого мяса и плавящихся костей, запах волос и шерсти — от кошек, забившихся в тесные уголки. Запах чаек с подпаленными крыльями, запах беспомощных верблюдов и лошадей. Запах людей, повыскакивавших, точно тараканы, из своих убежищ на чердаках и в подвалах.

Тот самый ветер, который сегодня с такой беспечностью показал Авинашу, что жизнь наша слишком коротка и невообразимо прекрасна, чтобы тратить ее на такие тяжелые чувства, как вина, в ту ночь станет настолько смрадным, что тысячи беспомощных людей, сбежавшихся на набережную, вдруг узнают, что задохнуться можно не только в воде, но и на воздухе.

Но до той ночи было еще далеко.

Давайте уж лучше вернемся в чудесный оранжевый вечер, когда я родилась. Вот я уже пытаюсь выбраться из

тесной матки, а Авинаш, точно ученик, которого вот-вот вызовут к доске, вспоминает названия всех тех деревушек и районов города, о которых прежде он только читал и которые теперь видел вживую. Вот там Кокарьялы, дальше Гёзтепе, Карантина, Салхане, Караташ и Бахрибаба. С того места, где стоял корабль, видно не было, но за таможней расположилось новое, современное здание в форме буквы «П» — Султанские казармы, или, как их называли в народе, Желтые казармы.

Авинаш знал, что в этих казармах проживают шесть тысяч воинов османской армии.

А знал он это неспроста.

Он получил задание наладить хорошие отношения с военными. Разведывательная служба внимательно следила за военными во всех городах Османской империи, от Салоников до Измира. Ему предстояло устроиться в турецком квартале и прислушиваться ко всем разговорам на рынках и в кофейнях. И он должен бывать на встречах, устраиваемых европейцами, чтобы собирать сведения обо всех интригах, что обычно плетут французы и итальянцы.

От мыслей об этом внутренности Авинаша стянуло узлом.

А что, если он не преуспеет в своем задании?

А вдруг он ни слова не поймет на тех языках, которым его столько обучали?

«Ты талантлив, настойчив и молод. И двух месяцев не пройдет, как ты будешь говорить лучше местных».

Это слова его учителя в Оксфорде.

«Сынок, мы выбрали тебя не просто так. Уж поверь нам. Ты создан для этого особенного задания».

Узел в животе и не думал ослабляться. От смуглых подмышек текли под шелковой рубашкой струйки пота. Бросив взгляд на безлюдную палубу, Авинаш оттянул

ворот рубашки и быстренько принюхался. Во время всего путешествия он не ел ничего острого, и все равно от его кожи исходил легкий запах чеснока.

Его это обеспокоило.

Прежде всего нужно помыться.

Свесившись через ограждения, он посмотрел, что происходит внизу. Со всех сторон «Афродиту» окружили лодки — того и гляди выскочат пираты и попытаются захватить судно, — и на эти лодки уже начали грузить сундуки.

На берегу первым делом надо найти хаммам.

«Чтобы у тебя не возникло лишних проблем на таможне, на пристани Паспорт тебя встретит наш человек. Но на большее не рассчитывай. Дальше придется самому. Так будет лучше. Как выйдешь из порта, иди к вокзалу Басмане, а потом на улице Куюмджулар спросишь, как найти постоянный двор “Йемишчизаде-Хан”. Затем жди от нас указаний».

Неприятные ощущения в животе, что испытывал Ави-наш при мысли о новой жизни, которая для него вот-вот начнется в совершенно незнакомом городе, не шли ни в какое сравнение с той болью, от которой корчилась моя мать, родившаяся и выросшая в Измире. Схватки становились все сильнее, и она беспомощно стонала. Даже опиум больше не помогал. Ей казалось, что ребенок в ее утробе превратился в зверя и разрывает внутренности острыми когтями. Она медленно поднялась и, словно пьяная, неуклюжими, неровными шагами двинулась к двери комнаты, которая служила ей тюрьмой ровно три месяца одну неделю и пять дней. Опершись о дверь, она закричала, и ее вопль полетел из стеклянной башни вниз, в гостиную, где ждала с понуренной головой и полным мешочком денег в руках армянка-повитуха Мелине.

Напротив Мелине в обитом бархатом кресле сидела моя бабушка; не выпуская из рук кофейной чашки, она лишь приподняла голову, указывая своим тонким, острым подбородком на потолок.

Время пришло.

Так началась моя полная тайн жизнь, которой суждено продлиться целый век.

БОГ СЧАСТЛИВОГО МГНОВЕНИЯ

Люди, нарекшие меня Шахерезадой, нашли меня на рассвете в саду, утопающем в аромате жасмина. Я лежала без сознания под тутовником, словно бы приютившим меня, и волосы мои разметались среди его корней. На ногах под обгоревшей юбкой не осталось живого места: все были покрыты сочившимися кровью ожогами; однако на губах моих играла улыбка, не заметить которую было невозможно. Они подумали, что мне снится сладкий сон. И недоумевали — как я смогла попасть в сад через закрытую на засов калитку?

Я помню все.

Снова сентябрь. Зацвели акации, вот-вот откроются школы. Мне было семнадцать. Исполнилось как раз на прошлой неделе. Воздушный змей — красный, как и всё в ту ночь, — запутался в ветвях тутовника и трепыхался на ветру, дувшем с гор в сторону моря. Земля под мной была мягкой, влажной, манящей. Ангелы касались пальцами моих щек. Вдалеке хлопнула дверь. Следом щелкнул затвор ружья. Сейчас эта двустволка разнесет мне голову. И пусть. В ту ночь все друг друга убивали. Море переполнилось трупами, раздувшимися, как мячи.

В те дни мы стали настолько близки со смертью, что страха перед ней уже не было.

Удивительной казалась сама жизнь.

Тут же перед глазами картинка: мальчики и девочки, чьи волосы похожи на водоросли, отчаянно барахтаются среди трупов, хватаются слабыми ручонками за цепи иностранных кораблей и тратят остатки воздуха в легких, умоляя спасти их. Как они цеплялись за жизнь! А у меня на это сил уже не было. Потратила до последней капли. Ничего не осталось.

Ребра безвольно коснулись земли. Я даже не попыталась что-то сказать.

А даже если бы и попыталась, ничего бы не вышло — тогда я этого еще не знала.

Выстрел — и я окажусь в раю.

Я закрыла глаза.

Вдалеке плакал ребенок.

Сквозь сомкнутые веки я видела женщину. Она стояла на палубе большого корабля. Шляпки на ней не было, голову оплетали две толстые косы, а нахмуренные брови скрывала челка. Позади стоял Авинаш Пиллаи, обнимал ее смуглыми руками за тонкую талию, крепко прижимал к груди. В волнах отражалось желто-оранжевое пламя; женщина плакала, положив голову на плечо Авинаша.

Звали ее Эдит София Ламарк.

Это была моя мать.

Но тогда я этого еще не знала.

Лишь многие годы спустя мне расскажет об этом Авинаш Пиллаи.

Эдит была младшей в семье Шарля Ламарка; родилась она в каменном особняке в районе Борновы, горы вокруг которой своими вершинами уходили в небесную синеву. Поместье было огромным. На склоне холма раскинулся

сад с цветущими бугенвиллеями, камелиями и розами самых разных сортов, приветственно шелестели листвою вишневые и гранатовые деревья. Дальше начиналась кипарисовая роща, и все это место казалось Эдит настоящим раем.

В беззаботные дни Эдит устраивалась среди голубых, фиолетовых, розовых гортензий, посаженных еще ее дедом, — он трясся над цветами, как над внучками, — ложилась на спину и смотрела на облака. Верхом на одном из них мчался Кайрос, бог счастливого мгновения. Он был влюблен в Смирну, королеву амазонок и основательницу города, который потом получит название Измир. Каждый день он проплывал над городом на облаке и с лазурного небосвода приветствовал потомков прекрасной королевы. Справедливость и сила Смирны славились ничуть не меньше ее красоты. А в стрельбе из лука ей не было равных. Как было принято у амазонок, она отрезала себе правую грудь, чтобы та не мешала натягивать тетиву. Эдит представляла, как Смирна скачет по золотому песку побережья, как развеваются на ветру ее длинные черные волосы. И тогда она решила: если у нее когда-нибудь родится дочка, непременно назовет ее Смирной.

Иногда она убегала на огород, располагавшийся в той части сада, которая выходила к роще; там она зарывалась носом в зелень розмарина и тимьяна — их сажала прачка Сыдыка — и вдыхала теплую пыльцу, пока не начинала чихать.

В саду было множество плодовых деревьев. На виноградных шпалерах висели качели. Сиденье для них собственноручно выстругал в столярной мастерской ее отец, которому помогал управляющий Мустафа. А плетеные веревки были такие толстые — могли бы сравниться с канатами на кораблях в порту. Взлетая на качелях, Эдит

ухитрялась срывать гроздья винограда — уж сколько сортов дедушка развел! — и, вопреки запрету матери, отправляла в рот немывтые ягоды, пыльные, горячие от солнца и пьяняще-сладкие. (Дед ее, Луи Ламарк, после того как передал свое дело сыну, увлекся садоводством и все свое время посвящал разведению винограда.)

Прямо перед спальней Эдит рос тутовник, и плоды его можно было срывать с балкона. У изголовья кровати она сделала из листьев домик для шелкопрядов. Няня, родом из Бурсы, научила петь им колыбельные. Няня настаивала, что эти толстые гусеницы понимают только греческий язык, и что же — каждую ночь Эдит пела своим подопечным колыбельные, а с утра с волнением и страхом приподнимала листочки — живы ли? Прислуживавшие их семье девушки-гречанки в середине лета растягивали, держа за четыре конца, плотную ткань и просили маленькую Эдит потрясти ветки. Свесившись с балкона, она хваталась за ветки тонкими ручонками, и сочные белые ягоды со стуком падали на холст. Звуки эти напоминали шум летнего дождя.

Однажды она сорвала в саду еще неспелый инжир и увидела, что от него на руках остался белый сок, похожий на молоко, что текло из сосков кошки по кличке Гриша. Прачка Сыдыка объяснила, что белый сок — это кровь инжира и он нужен, чтобы плоды инжира наливались уже настоящим соком, как набухают молоком соски у кошки. Высокая и худая, с поблекшими голубыми глазами и светлыми, уже с проседью волосами, Сыдыка была родом с Крита. Никто никогда не видел ее без сигареты. Разговаривала она на таком греческом, который никто не понимал, кроме управляющего Мустафы, ее мужа. Эдит часто сбегала от гостей, которых любила приглашать ее мать, и укрывалась в домике Сыдыки на краю сада, где та угощала ее булочками с корицей и пирожками с зеленью.

Анна, сестра Эдит, Шарль-младший и Жан-Пьер, ее братья, по восемь месяцев в году проводили в школе-пансионате во Франции, но Эдит была из тех детей, которым никогда не бывает скучно, и она не знала недостатка в друзьях. В те годы Борнова звенела счастливыми детскими голосами. На закате, когда воздух пропитывал аромат мандаринов, дети гоняли по улицам на велосипедах, играли в прятки, играли со стеклянными шариками и всем тем, что попадалось под руку. Ждали отцов, которые возвращались с работы на вечернем поезде. Но еще больше ждали торговца халвой по имени Коста. Он жил в маленькой деревушке рядом с Борновой и каждый вечер, проходя по улице, угощал ребятню халвой из льняных семечек. А женщинам, которые посиживали на диванчиках перед своими домами и попивали кофе с мастикой, он предлагал кульки с орешками, рахат-лукум и другие сласти.

Самым близким другом Эдит был Эдвард Томас-Кук, живший по соседству. Вместе они залезали на железные калитки садов, охотились за привидениями в заброшенных домах, изображали из себя героев романов, которые почитывали, спрятавшись в тени, бесконечными летними послеобеденными часами. Семья у Эдварда была большая, и двум его старшим братьям внимания доставалось больше, еще больше — болезненной младшей сестре, а об Эдварде все как-то забывали. В доме у них всегда было полно родственников и гостей — «тетушек» и «дядюшек», как называл их Эдвард. Он отличался от других мальчишек. Вместо того чтобы играть в футбол, с большим удовольствием читал вместе с Эдит книги. И прочитал не только «Остров сокровищ» и «Приключения Тома Сойера», но и любимую книжку Эдит под названием «Маленькие женщины». И однажды, подавшись на уговоры Эдит, которая восхищалась Джо, одной

из героинь романа, скрепя сердце собственными руками отрезал длинные косы подружки.

Был у Эдит и еще один друг — Шарль Ламарк, ее отец. Вообще-то, месье Ламарк по возрасту годился Эдит скорее в дедушки — может быть, именно поэтому отношения между ними были пронизаны особой нежностью. И наверное, по этой же причине, как часто жаловалась Джульетта, мать Эдит, Шарль так сильно разбаловал дочку. Когда наступал вечер и вот-вот должен был прибыть поезд, Эдит садилась возле обложенного камнями садового прудика, в котором плавали кувшинки и красные рыбки, и, опустив маленькую ладошку в воду, не отрываясь смотрела на калитку.

«Эдит, дорогая, к моему возвращению, будь добра, умойся и причешись. Я сказала няне, чтобы она приготовила тебе платье с голубыми ленточками. У нас сегодня гости. И я хочу видеть за столом твое веселое лицо» — все это произносилось на одном дыхании. Джульетта обычно торопилась к кому-нибудь из соседей и на бегу обращалась к дочери. Когда же Джульетта замолкала, ее светло-зеленые глаза на секунду задерживались на лице Эдит, как будто она ждала ответа. Но никакого ответа она не ждала, конечно. Черные глаза дочери как будто пугали ее, и между бровей пролегалла глубокая складка. Эдит не исполнилось и двенадцати, когда у нее появилась точно такая же — к ужасу матери. Гостям, приходившим к ним на чай, она жаловалась: «Нет, вы только взгляните, Эдит-то и лет всего ничего, а лицо уже все в морщинках. Уж я ей говорю, чтобы она каждый вечер протиралась розовой водой, да и масло мирры не помешает, но она меня не слушает!»

Зато месье Ламарк, увидев свою, как всегда, погруженную в грезы дочку, подхватывал ее на руки, прижимал к себе и приговаривал: «Ты же моя крошка!» А Эдит

и правда была крошкой. Фигурка у нее была точеная, черты лица — тонкие и правильные. Вплоть до того момента, как она начала превращаться из девочки в девушку, она была самой маленькой среди одноклассниц. Зубы у нее были ровные-ровные, а щелочка между передними зубами лишь добавляла прелести и, кроме того, если верить Сыдыке, берегла от сглаза и должна была приносить удачу. От одного только взгляда в угольно-черные глаза дочки, обрамленные густыми ресницами, месье Ламарк, донельзя уставший после работы в судоходной компании, чувствовал себя бодрее. Они гуляли по огромному саду, смотрели на пауков, сидевших в своих паутинах между старыми виноградными лозами, и разговаривали о звездах, что выглядывали из-за горы Ниф.

У Шарля Ламарка имелось бесчисленное множество теорий пространства и времени. Например, он полагал, что Вселенная может быть в форме подковы. И тогда если бы мы встали на одном конце подковы и сфотографировали другой ее конец, то увидели бы, как милоются Клеопатра с Цезарем или же как опускается на белоснежную шею Марии-Антуанетты лезвие гильотины. Эдит заслушивалась рассказами отца. Она не могла понять, почему луна всегда повернута к нам одной и той же стороной, и тем более непостижимой для нее была отцовская теория о Вселенной-подкове, но ей нравилась сама мысль о том, чтобы можно было сфотографировать давно ушедших в небытие героев. Звезды — прекрасно, но больше всего ей нравилось, когда отец рассказывал об исторических личностях.

Стоило Эдит о чем-то попросить, месье Ламарк немедленно исполнял ее пожелание. Отделанные жемчугом музыкальные шкатулки, украшенные алмазами гребни, привезенные из Парижа фарфоровые куклы с настоящими волосами — чем только он ее не баловал. На одиннадцат-

цатый день рождения он заказал ей из Лондона белого пони. А на тринадцатый преподнес чистокровного арабского скакуна с лоснящимися черными боками. Теперь в свободное время отец и дочь разъезжали по Борнове или же отправлялись в Нарлыкёй и Коклуджу, а однажды они устроили привал рядом с мостом Караван, где им зажарили на вертеле целого ягненка. Этим ягненком они угостили кочевников-юрюков, разбивших свои шатры неподалеку, да и всех, кто проезжал мимо того места.

Неудивительно, что скоропостижная кончина отца стала для Эдит ударом. Стоял адски жаркий летний день, один из тех, когда кажется, что даже время замедлилось; Шарль Ламарк в одиночестве обедал в ресторане Кремера — и вдруг его сердце остановилось. Голова упала на лежавший перед ним сочный, с кровью кусок мяса, а тарелочка с соусом дзадзики опрокинулась прямо на «Пармскую обитель», которая в тот момент лежала открытой на столе.

Исхудавшая, с синяками под глазами и потухшим взглядом, Эдит не покидала пределы поместья. Ей оставалось доучиться всего год, но из школы она ушла. Никто ее не видел, и никто не знал, что с ней, а Джульетте Ламарк это было только на руку. Она сумела обыграть близость дочери и отца, которая раньше всегда вызывала ее недовольство, и, ловко жонглируя словами, с легкостью убедила всех, что бедняжка Эдит никак не может оправиться от постигшей ее утраты.

«Где Эдит? Ах, *ma chérie*¹, внезапная кончина Шарля выбила ее из колеи. Даже и не спрашивай... Из-за проблем со здоровьем ей пришлось бросить школу, и она уехала из Парижа. Но доктор сказал, что жаркий климат наших

¹ Дорогая (фр.). — *Примеч. пер.* (Далее примечания переводчика не будут сопровождаться дополнительными пометами.)

мест ей может навредить, вот я и отправила ее в Баден-Баден, к целебным источникам. Целое лето она там провела, а теперь вернулась и понемножечку набирается сил, поэтому и в свет не выходит. Конечно, это несчастье всех нас потрясло, но ведь нужно как-то возвращаться к жизни, *n'est-ce pas?*¹ Мальчики, да хранит их Господь, сразу взяли на себя все заботы. А моя дорогая Анна снова ждет ребенка. Да еще и двойня! *Mon dieu!*² Они переехали и живут теперь в Будже. А какой у них особняк — почти дворец! Ах, я уже говорила тебе об этом? Зять у меня чудесный. Настоящий английский аристократ. Конечно, ты его знаешь... Ах, *oui*³, мы ведь об Эдит разговаривали, да... Она — девушка нежная, впечатлительная. Все знают, они с отцом были очень привязаны друг к другу. Ничего не поделать... Я беседовала с тем врачом по нервным недугам, что остановился в отеле “Хук”. Он посоветовал просто оставить ее в покое. Он приехал сюда из Вены писать мемуары. Мы с ним на днях познакомились на приеме у Томас-Куков. И знаешь, что он еще сказал?..»

Со временем она и сама поверила в собственные рассказы. Скорее всего, она их и рассказывала-то для того, чтобы убедить саму себя, а не других. Шарль умер очень вовремя — уж в этом сомневаться не приходилось. Будь ее мягкосердечный муженек жив, ни за что бы они не смогли с поднятой головой встретить тот позор, который навлекла на них Эдит. Как казалось Джульетте, своей убедительной болтовней она смогла спасти честь и доброе имя не только дочери, но и всей семьи, уберегла всех от позорного пятна. Она не сомневалась, что Эдит скоро оправится, выйдет удачно замуж и будет счастлива. Как только соседский сын Эдвард закончит свое обучение в Нью-Йорке, нужно, не теряя времени, обручить их.

¹ Не так ли? (фр.)

² О боже! (фр.)

³ Да (фр.).

Но пока Джульетта Ламарк увлеченно строила планы и уже полагала, что судьба-мерзавка у нее под контролем, та неожиданно нанесла ей удар.

Одним зимним утром в дверь постучал приехавший из Афин адвокат с кожаным портфелем, и шаткому миру между матерью и дочерью пришел конец.

ПЕРЕД ПРИХОДОМ АДВОКАТА

Эдит читала газету, когда ее мать вошла в столовую в летящем утреннем капоте перламутрового цвета.

Был один из тех редких дней, когда солнце не желало почтить своим присутствием небо над Борновой. Небо хмурилось и ворчалось, ветер тоже был не в духе. Злобу свою он вымещал на деревьях, безжалостно трепля тонкие, еще голые ветки вишни и абрикоса под окнами.

На улице бушевала непогода, а в столовой пахло поджаренным хлебом и дровами. Управляющий Мустафа после утреннего намаза затопил печь, покрытую желтыми изразцами, кто-то из служанок завел граммофон и поставил пластинку: соната Мендельсона для скрипки и фортепиано. Джульетта распорядилась, чтобы к ее пробуждению в доме непременно звучала музыка: после смерти мужа тишина сделалась для нее невыносима. Она приказала купить по граммофону в каждую комнату на нижнем этаже и еще один в ее спальню.

Эдит оторвала взгляд от газеты, мельком взглянула на появившуюся в дверях мать и по своему обыкновению повернулась к написанному маслом портрету отца, висевшему на стене. Отец говорил, что интровертам бывает легче в зимнее время. Он объяснял это по-своему.

Подобно тому как дерево сбрасывает листья и плоды, так и человек зимой остается один на один со своими мыслями. Ничто не отвлекает его от раздумий, и в душе наступает покой. Жаль, что в этом месте, где жизнь проходит у всех на виду, зимы такие короткие.

Эдит вспомнила, как долгими зимними вечерами ученицы католической школы в Париже собирались в библиотеке, обогреваемой огромным камином, и читали книги. Теперь эта школа — в прошлом. Ее одноклассницы прошлой весной выпустились. А она так и не доучилась.

Со вздохом она снова склонилась к газете.

Писали, что «Комеди Франсез» приедет в Смирну с постановкой. Господин консул лично встретился с Жюлем Кларетти, управляющим самым большим и самым старым театром в мире, и взял с того слово, что в следующем году труппа выступит на здешней сцене. Газета «Реформа» поместила эту новость на первую страницу, желая показать всем, как высоко в Смирне ценят французскую культуру.

— *Bonjour ma chérie*¹.

Наклонившись, Джульетта поцеловала дочь в правую щеку, через плечо заглянула в газету и спросила певучим голосом:

— Хорошо сегодня спалось?

Эдит кивнула, не поднимая головы. В Кингстоне, столице Ямайки, произошло сильное землетрясение, дома превратились в руины, и уцелевшие жители не могли прийти в себя от ужаса. Чтобы получше разглядеть нечеткую фотографию, Эдит еще ниже нагнулась к газете.

— Подумать только, какая сегодня погода! Ну и темень. Будто не тучи, а целая армия на нас надвигается. Вот с самого утра настроения нет, честное слово!

¹ Доброе утро, дорогая (фр.).

Джульетта села во главе стола и растянула губы в улыбку. Без макияжа ее лицо казалось голым.

— Братьев не видела сегодня? Или они ушли еще до того, как ты проснулась? А где Гертруда и Мари? Неужели еще спят?

Эдит бросила взгляд на пустующие стулья и пожалала плечами. Она и не заметила, что невестки не спустились к завтраку. Но Джульетта и не ждала от нее ответа, довольствуясь монологом.

— Ах, *bien sûr*¹, я совсем забыла. Они же сегодня утром собирались в город. Из Амстердама приехала кузина Гертруды. Они хотели встретиться с ней в «Кафе-де-Пари». Тебе тоже было бы неплохо с ними поехать. Гертруда и Мари, они ведь теперь тебе как сестры. Хотя погода сегодня скверная. *Krima!*² Очень жаль. Я тут подумала, а давай после завтрака поднимемся вместе и посмотрим на малышку, что скажешь? Она уже улыбаться начала, а ты вообще-то ей тетя, если не забыла. И только между нами, она вся в папочку. Мари я этого не говорю, чтобы не обиделась, но маленькая Дафна как две капли воды похожа на твоего брата. Она как будто даже меня напоминает чем-то. Что же, неудивительно, ведь брат твой очень на меня похож.

Эдит в ответ что-то неразборчиво пробормотала. Джульетта протянула руку к колокольчику, стоявшему рядом с серебряной вилкой. Из кухни тут же выпорхнула служанка, неся термос с кофе, и подошла к Джульетте. Заметив красноречивый взгляд госпожи, она с волнением поправила белый чепчик, съехавший к правому уху. После смерти мужа Джульетта ввела для всех работников обязательную униформу. Пригласила из Смирны портниху, которой и заказала сшить такие же платья,

¹ Конечно (*фр.*).

² Жаль! (*греч.*)

как в журнале «Идеальный дом», купленном в местечке под названием Парадисо, не так давно заселенном американцами. Белые фартуки с оборками и чепчики она приказала стирать каждый день, а синие платья — два раза в неделю.

И теперь Зои, стоявшая наготове с термосом в руках, молилась, чтобы госпожа не заметила чернильное пятно на юбке ее белого фартука. Утром она зажигала свечи в люстре в библиотеке месье Ламарка, и вдруг ей захотелось написать пару строчек своему жениху, живущему на острове Хиос. Но только она села за стол, как услышала чей-то смех в прихожей. Это Гертруда и Мари собирались на восьмичасовой поезд в Смирну. В волнении вскочив, служанка опрокинула на себя чернильницу.

Но Джульетте в то утро до пятна на фартуке Зои не было никакого дела. В отсутствие невесток напряжение за столом стало слишком уж явным. Она чувствовала себя загнанной в ловушку. Да еще и эта вертикальная морщинка на лбу дочери действовала ей на нервы. Как за спасательный круг, она схватилась за чашку с кофе.

— Мерси, Зои. Можешь подать мой завтрак. Эдит, дорогая, ты уже ела?

— Нет, и не собираюсь. — Эдит нехотя оторвалась от газеты. — Зои, и мне, пожалуйста, приготовь свежего кофе. А потом, будь добра, сходи в сад и попроси Сыдыку свернуть мне две сигареты. Только пусть крутит потоньше.

— Слушаюсь, мадемуазель Ламарк.

Улыбка на лице Джульетты увяла. Она покрутила стоящую в центре стола круглую подставку с медом, сливочным маслом и разными видами варенья: розовым, вишневым и клубничным. Теперь и у нее пропал аппетит.

— Почему, *ma chérie*? Пить кофе на пустой желудок вредно. Съешь хотя бы круассан. И что это еще за вы-

думка с сигаретами? Что бы сказал твой отец, увидь он, что ты дымишь за столом, как те женщины в тавернах?

При этих словах она качнула серебряной ложкой в сторону портрета в позолоченной раме, под которым разместился граммофон.

Месье Ламарк был изображен боком, поза была неудачной — пиджак с крошечными пуговичками облегал его внушительный живот, и смотрел он не на Эдит, а в тот угол, где стояла печь.

— Но он же не видит, так? Значит, нечего и переживать.

Джюльетта бросила взгляд на дочь поверх чашки. Несмотря на вечную раздражительность, привычку пить кофе на пустой желудок и курить и даже несмотря на эту проклятую морщинку между бровями, в Эдит была та свежесть, которая свойственна девятнадцатилетним девушкам. Внутри зашевелилось нечто среднее между завистью и гордостью за дочь. Ей бы немного поправиться, распрямить плечи, придать щекам румянца... Стоит ей выйти в свет, и хорошая партия найдется без труда. Или, может, не дожидаясь возвращения Эдварда из Нью-Йорка, поговорить с его матерью, Хеленой Томас-Кук, чтобы устроить судьбу детей? А то ведь можно и опоздать. Вдруг Эдвард знает о страшной ошибке Эдит и поэтому-то не спешит возвращаться? Неудивительно: все случилось едва ли не у него на глазах.

Через дверь, выходящую в сад, Зои вернулась в столовую, положила сигареты у тарелки Эдит и сразу ушла. Помимо сигарет, Сыдыка передала блюдо «косичек» с апельсиновой начинкой.

Эдит, словно назло матери, которая, едва закончились сорок дней траура, тут же раззавесила окна и начала собирать, как и прежде, гостей, вот уже два года не снимала черное платье. Она вынула из кармана мундштук

из слоновой кости, вставила в него сигарету, щелкнула отцовской зажигалкой и выпустила дым через миниатюрные ноздри.

— Почему бы тебе не курить американские сигареты вместо этого деревенского табака? — проворчала Джульетта. — На следующей неделе поедем вместе в Парадизо и купим там хорошие сигареты, раз уж ты пристрастилась к этой гадости. К тому же ты в Парадизо еще не была. Американцы такой замечательный городок построили, уму непостижимо!

— А эти американские сигареты из какого табака делаются, как по-вашему, *taman*?

Часто-часто моргая, Джульетта ударила ложечкой по яйцу. Она понятия не имела, как найти подход к этой непокорной девчонке. Устала уже. С самого детства старалась показать ей свою любовь, но Эдит вечно чего-то не хватало. Уж сколько платьев было куплено в Париже, сколько гребешков с алмазами... Вывозила ее, нарядную, на прогулки, заводила поесть торт в «Кафе Кости», катала на фэотне по Кордону, без лишних слов покупала в магазинах на улице Френк любую игрушку, какая ей только понравится. Когда их старшая дочь возвратилась однажды на летние каникулы в Борнову и увидела в комнате Эдит сваленных в углу кукол с алыми щечками — у Анны таких никогда не было, — истерика сотрясала весь дом.

— Это нечестно! — кричала Анна. — У меня было всего две куклы, а третью я еле выпросила на Рождество. И таких красивых гребней у меня не было, вместо этого вы мне просто розовые ленточки повязывали. Не могу поверить, *taman*. Это все потому, что Эдит красивая, а я нет? Где же справедливость?!

Она была права. Джульетте ни разу в голову не пришло разодеть Анну и повезти ее на набережную есть торт.

Анна была девочкой крупной, с широкой костью. А волосы — как у мыши. Когда ее в первый раз положили на руки Джульетте, та при виде красного лица, напоминавшего лица крестьян-бретонцев, при виде этого носа картошкой даже расплакалась. Повитуха Мелине, в то время совсем молодая, поняла ее слезы по-своему: ах, как трогательно — мать впервые взяла на руки первенца, — и оставила их одних. Но конечно, плакала Джульетта по совсем иной причине: мало того что она вышла замуж за уродливого мужчину, годившегося ей в отцы, так еще и ребенок оказался как две капли воды похож на него.

После Анны Джульетта родила с перерывом в год двух сыновей, и это высосало из нее всю энергию. Эдит появилась на свет через семь лет после Жан-Пьера. Она была хорошенькой, а у Джульетты было полным-полно времени, чтобы играть с Эдит, как с куклой. И тем не менее она не помнила, чтобы ей удавалось от души потискать, потормошить дочку. Эдит была не из тех детей, которые ко всем тянутся. Шарль говорил: «Ребенку нужна не только любовь, но и забота. Когда нет заботы, тогда он и становится таким... вспльчивым». Джульетта не понимала, о чем он говорит. Она же покупала дочери все, что та захочет, куда бы сама ни шла, брала ее с собой — и чего же, спрашивается, ей не хватало?

Мать и дочь сидели некоторое время молча. Соната в граммофоне уже закончилась. На стене раздражающе тикали часы. Джульетта отложила испачканный в варенье нож на край тарелки, встала из-за стола и, ощущая на себе взгляд Эдит, подошла к портрету мужа. Сняв пластинку с Мендельсоном, поставила вместо нее другую, с песней «Nobody», купленную на прошлой неделе в Парадисо, и покрутила рукоятку, заводя граммофон. Раздался треск, и следом из раструба в комнату полилась песня Берта Уильямса, похожая на мольбу.

— *Voila!* То что надо. Как раз про сегодняшний день. *When life seems full of clouds and rain*¹... Что скажешь? Правда ведь?

Но мысли Эдит витали вместе с сигаретным дымом, поднимавшимся к люстре. Однажды она сядет на корабль, идущий из Смирны в Марсилью, и сбежит отсюда. А дальше — в Нью-Йорк. В Новый Свет. Одна, в руках — только чемодан и билет в один конец. Наступит утро, когда она, никому ничего не сказав, ускользнет из этого особняка. А потом, как в этой песне, смешается с толпой и станет никем. *Nobody*². Не Эдит Ламарк, не левантийка, не француженка, не госпожа европейка. Обнаженная. Если хоть раз человек стал никем, после он может быть кем угодно.

Джувлетта спросила своим напоминавшим птичий щебет голосом:

— Угадай, кто придет к нам на чай сегодня вечером?

И тут же сама и ответила с веселым воодушевлением:

— Авинаш Пиллаи!

Эдит продолжала пускать дым в никуда, и у Джувлетты на подбородке непроизвольно дернулась мышца. Когда Эдит, еще ребенком, вот так же уносила мысли куда-то далеко, ей хотелось дать дочери пощечину. Просто руки чесались! Но она ограничивалась криком: «Очнись, девочка моя! Ты живешь в достатке, и у тебя нет никакого права дуться. Выйди на улицу и посмотри, в каких условиях живут люди. Сходи в бедняцкие кварталы, посмотри на голодных детей, которым даже срам прикрыть нечем, а потом губы надувай!» Ей удавалось обуздать свой гнев, и она никогда не поднимала на дочь руку. Никогда, за исключением одного-единственного раза. Но в тот раз... Да, в тот раз Эдит заслужила поще-

¹ Когда кажется, будто жизнь полна облаков и дождя (*англ.*).

² Никто, никому не известный человек (*англ.*).

чину. Еще как заслужила! Эх, до чего же месье Ламарк разбаловал эту девчонку! Какой позор она на них навлекла! Какой позор! *Ah dieu!*

— *Oui*, да, я пригласила сегодня на ужин Авинаша Пиллаи. Надеюсь, ты тоже к нам присоединишься. Ты ведь знаешь, кто это.

— Торговец драгоценностями.

Ее и без того низкий голос стал еще более басистым, после того как она начала курить.

— Как бы не так! — От радости, что наконец-то втянула Эдит в разговор, Джульетта чуть ли не кричала. — Тетушка Роуз мне обо всем проболталась. Знаешь, кто он на самом деле?

Она ждала, что дочь проявит интерес к ее рассказу, но напрасно, и, не выдержав молчания, повисшего в воздухе, как сизый сигаретный дым, продолжила:

— Все эти камешки — лишь прикрытие. Нет, у него действительно есть слуга, который разъезжает туда-сюда между Смирной, Александрией и Бомбеем и каждый раз привозит сундуки редких камней, — это все правда. И сапфиры, и изумруды, и рубины на любой вкус! Рассказывают, что и лечебные камни доставляет. Вот почему, как только этот слуга с сундуками появляется в порту, его тут же окружают колдуны и ведьмы. Торгуются так, что крик стоит. Бывает, и до драки дело доходит. Голубые агаты и апатиты, кварцы нарасхват. Среди покупателей немало и мусульман. Говорят, даже придворные султана интересуются. Я попросила и нам показать камушки. Если тебе что-то приглянется, купим. Авинаш на днях присутствовал на чаепитии у тетушки Роуз, тогда мы с ним и побеседовали. Человек он очень, очень интересный. Представляешь, остановился он на постоялом дворе в мусульманском квартале. Приехал-то он сюда уже больше года назад, а мы только сейчас о нем услышали. Ну, на

то были свои причины, конечно. Ладно, дорогая, теперь попробуй догадаться, чем этот торговец драгоценностями на самом деле занимается.

Эдит закрыла глаза. Где ей найти такое место, чтобы можно было до полудня вообще не разговаривать? Может, уйти в монастырь?

Ха-ха! Тебя из католической школы выгнали, а ты в монастырь собралась!

— Эдит *му*, ты только послушай, он ведь секретный агент! Самый настоящий шпион! Слышишь? И на кого, ты думаешь, он работает? На англичан! Я сначала и не поверила, но, оказывается, и индусы шпионами бывают. Более того, для работы среди мусульман англичане якобы даже специально подбирают индусов, потому что они вызывают меньше подозрений. А этот еще и выпускник Оксфорда. Я и не знала, что в Оксфорд принимают индусов. Но, как оказалось, принимают, и притом уже давно. Это рассказал мне лично месье Пиллаи. А остальное тетушка Роуз узнала из надежных источников.

Эдит выпустила еще одну струйку дыма. Джульетта разошлась не на шутку: щеки, блестящие от гераниевого масла, которое она наносила сразу, как только проснетесь, раскраснелись, зелено-голубые глаза искрились от удовольствия делиться сплетнями.

— Ну, что скажешь? Случай прелюбопытный, не так ли? Неужели ты не хочешь познакомиться с этим господином?

— Не хочу.

Глядя, как Эдит тушит о тарелку сигарету, Джульетта вздохнула. Аппетита как не бывало. Даже к слоеной лепешке, которую перед ней поставила Зои, не притронулась.

— Но почему, дорогая моя Эдит? И что же ты собираешься делать вечером? Снова будешь, как привидение, бродить по комнатам наверху? Ты совсем не бываешь

на солнце, из-за этого и кожа у тебя стала белой с фиолетовым оттенком, прямо как у англичанок, ты разве не замечаешь? Про тебя ведь опять спросят, а я уже, честное слово, не знаю, что и отвечать. Уж больше года прошло.

Эдит оторвала взгляд от люстры и в упор посмотрела на мать. Ее черные, чуть раскосые глаза пылали, словно раскаленные угли.

— А как насчет правды?

Маленький рот и заостренный вздернутый носик придавали ее лицу ранимость, но ранимость сменялась жесткостью, стоило только взглянуть в горящие черные глаза, обрамленные длинными ресницами, тень от которых падала на выступающие скулы. И низкий голос, который совсем не ожидаешь услышать от такого создания, еще больше подчеркивал эту жесткость.

Со звоном поставив чашку на блюдец, Джульетта вздохнула. Ее острый подбородок вытянулся, и она заговорила тем глубоким тоном, каким обычно обращалась к служанкам. Эдит вдруг почувствовала себя победительницей.

— Послушай, дочка, мое терпение тоже не безгранично. Я стараюсь, чуткость к тебе проявляю, и что получаю в ответ? К чему вся эта раздражительность? Не отрицаю, у нас были тяжелые времена. Но... — Глаза девушки метали молнии. — Нельзя вечно убиваться по умершим. И в Божий промысел вмешиваться нам тоже не дано. Пора взять себя в руки и вернуться к жизни. Ты уже не ребенок. Пора снова выйти в свет — ради твоего же блага. Ты сама недавно слышала: уже и Люси Жилляр обручилась. Симпатичных мужчин твоего возраста мигом разбирают. Как бы мы не опоздали. Чего доброго, останешься ни с чем. Ну же, улыбнись.

Отодвинув стул и вытерев рот льняной салфеткой, Джульетта встала и направилась к дочери, протягивая

руки. Но Эдит вскочила, как кошка. Она отлично знала, что будет дальше: в детстве, когда она хмурилась, мать брала ее за щеки и насильно растягивала губы в улыбке. Проворно схватив вторую свернутую Сыдыкой сигарету, мундштук и зажигалку, Эдит обогнула стол и выскочила из столовой. Апельсиновые «косички» так и остались лежать на столе.

Она уже была у лестницы, когда в дверь позвонили. Замерев на полпути, Эдит прислушалась к незнакомому голосу:

— Могу ли я увидеть мадемуазель Эдит Софию Ламарк? Мне необходимо обсудить с ней один важный вопрос.

СОН КАТИНЫ

Бакалейщик Акис допил последний глоток кофе. Кальян уже потух. Помощник хозяина уже был тут как тут с щипцами в руках, чтобы сменить уголь.

— Не надо, я ухожу.

Но стоило ему подняться, как все присутствующие хором принялись упрашивать остаться.

— Ну же, еще один кон, *вре* Акис! Никуда твоя лавка не денется. Бог любит троицу. Может, на этот раз тебе улыбнется удача.

Акис посмотрел на раскрытую доску для нард, лежавшую рядом с чашкой, дно которой затянула черная гуща. Предыдущие два кона он проиграл. Поглаживая темную бороду, бакалейщик выглянул за дверь и посмотрел в сторону Английской больницы. На улице никого не было, кроме торговца халвой, шедшего с подносом на голове.

Он вернулся в кофейню. Внутри стоял гул. К аромату жженого кофе и яблочной кожуры примешивался запах множества ног.

— *Эндакси*, ладно, еще один кон. Но только один. У меня еще много дел сегодня.

— *Малиста* Акис *му*¹, конечно. Нас всех ждут дела. Последний кон, а после все разойдемся.

Увидев, что Акис не уходит, остальные мужчины расслабились. Христо, живший по соседству с Акисом, позвал юного помощника.

— Павли, сынок, беги сюда. Приготовь-ка для Акиса-*аби* свежий кофе и кальян.

Акис поцеловал руку, в которой сжимал игральные кости:

— Не подведите, *аде*.

Когда спустя полчаса в кофейню пришла Катина, неся за спиной малышку, Акис успел выиграть три кона и сейчас начинал четвертый. Жену, стоявшую под навесом и стучавшую в запотевшее окно, он не заметил. Платок у Катины сполз на затылок, намокшие под дождем волосы липли к голове, щеки и нос покраснели от холода. Казалось, мужчины, увлеченно бросающие кости, напрочь позабыли о мире снаружи. Катина не хотела будить дочку, но все-таки постучала в окно снятым с пальца кольцом. Может быть, так услышат?

Павли оставил подходивший на жаровне кофе и вышел под навес.

— *Калимера*, *кирья* Катина². Как дела?

Катина ничего не ответила. И Павли снова бросился внутрь.

— *Кирье*³ Акис, Катина-*абла* пришла.

¹ Конечно, дорогой Акис (*греч.*).

² Доброе утро, госпожа Катина (*греч.*).

³ Господин (*греч.*).

На этот раз никто не сказал ни слова, когда Акис поднялся. Часы показывали половину одиннадцатого, дождь, кажется, и не думал заканчиваться. Вслед за Акисом кофейню покинули трое рабочих, которые клали известняковую мостовую на улице Менекше. Все вместе они вышли на маленькую площадь, пропитанную хлебным ароматом: впереди шагал могучий Акис, борец в прошлом, рядом с ним — Катина, такая миниатюрная, что могла бы уместиться у мужа в кармане, за спиной она несла малышку, а позади них шли рабочие с кирками, приехавшие с острова Хиос на сезонные заработки.

У площади было официальное название, но оно значилось только на табличках. Между собой жители называли ее *алани* — местечко, где можно поболтать. Как только приходило тепло, жители квартала вытаскивали на улицу стулья и диванчики и собирались здесь. А из-за аромата, доносившегося из пекарни на углу, площадь называли также «хлебной». На одной стороне росла молодая чинара, под которой расположился небольшой питьевой фонтан, на другой стоял полицейский участок, а дальше шла низкая стена — девочки обычно скакали перед ней через веревочки или же залезали на нее погрызть семечки.

Но тем утром из-за дождя на улице никого не было. Мокрые камни, уложенные на прошлой неделе, блестели как зеркало. В желобах по краям мостовой бурлила вода, а в проулках была слякоть. Дом Акиса отделяла от дороги канава, сейчас полная воды, и им пришлось перепрыгнуть через нее, но спавший на спине у Катины ребенок не издал ни звука.

Их двухэтажный каменный дом узким фасадом выходил на улицу Менекше, ведущую к площади, на первом этаже располагалась бакалейная лавка Акиса, а на втором они жили. Сзади был склад, на выложенной камнем

площадке стоял насос, а в крохотном дворике Катина сушила выстиранное белье.

Нащупывая ключ у себя под поясом, Акис спросил:

— Мальчиков в школу отвела?

— Давно уже.

— Чем потом занималась?

— Ну, чем я могу заниматься? Сходила на рынок на площади Фасула. Купила мяса для рагу, хочу на ужин яхнию сделать. Ах да, еще у нас дома шафран закончился, ты там в лавке приготовь немного, а я сейчас сверху корзину спущу. Вечером рис приправлю. Потом еще зашла к *кирье* Якуми. Он дал мне лавандовое масло. Мол, если дочке натереть ножки, будет спать хорошо. А мальчику передал стираксовое масло. С ним голова, говорят, лучше работает. От него дошла до пекарни Берберянов. По-другому дочку-то никак не успокоить. Обязательно ходить надо, и все тут. Вот и приходится сажать ее за спину, как делают деревенские женщины.

Акис посмотрел на малышку: она сладко спала, положив головку в белом чепчике на спину матери. Щечки и носик раскраснелись, ротик приоткрылся. Поскорее бы наступил вечер, когда он сможет взять дочку на руки.

— Давайте поднимайтесь-ка домой, чтоб не замерзла она. Не надо было таскать ее с собой в такую погоду.

— А как же иначе? Она дома уж так плакала, а потом, не успели мы до Французской больницы дойти, уснула. Кстати, Хайгухи-ханым передала тебе слоеную лепешку. Открывай пока лавку, я тебе вместе с кофе лепешку и принесу. Или подождешь, пока дынный шербет сделаю?

— Принеси кофе, шербет в такой дождь не хочется, — покачал головой Акис, отпирая ставни.

Катина толкнула выкрашенную голубой краской деревянную дверь сбоку от лавки и на цыпочках, стараясь не скрипеть, стала подниматься по лестнице. На последней